

Ничем себя
возвысить
не хочу.
Я только ветвь
на дереве
могучем.
Шумит око,
когда клубятся
тучи, —
и я шумлю...
Молчит — и я
молчу.

Сергей ВИКУЛОВ

произведении искусства, они достойны друг друга, оба равно высоки, а если нет, если что-то повыше, а что-то пониже, значит, речь идет не об искусстве... Жизнь деревни с ее бедрами и победами, сложный образ главного героя, много думающего и делающего, старого человека, образы его односельчан, их судьбы, их труд и праздники — все вместили «Письма из деревни».

«Позволь теперь от всей моей семьи сказать тебе спасибо, что отметил ты нашу жизнь, как есть она, в газете, ну, то есть поместил в стихи свои... Спасибо, брат! По такой по круче провел у всей России на виду... Жаль только, что не полностью в газете помещено... Читайте, мол, журнал. Ну, а журнала, как почтарь ответил, такого в целом нашем сельсовете никто в глаза отроду не видал».

Он сообщает об одном из важнейших дел жизни: удалось запасти на зиму дров. «Ванюшка трои тракторные сани припер. Пилили с бабкой лично сами. Сложили». Речь старого кузнеца воспроизведена и характерно, и сочувственно, и весело, и необидно. При всей точности в передаче слов вполне соблюдена, однако, мера учтивости, уважения к возрасту героя и его труду.

Старый кузнец рассказывает, что клуб наконец достроили, но ходить туда теперь некому. Пока строили, «кто помоложе — в город убежали, а новых бабки, вишь, не нарожали (прости за эту шутку старика)». Рассуждает про «неперспективные» деревни, про то, что их несложно стащить все в одно место, «а ты попробуй землю сволоки!.. Ревнивая она необычайно, земля-то наша! Любит, чтоб мужик под боком был... А нет — так заскушает, поддастся лесу живо, одичает, да так, что не отыщешь и межи!..».

Он умен, старик, он ясно и дельно мыслит, он немало в жизни повидал всякого... «Да, круто, брат ты мой, наш хлеб посолен! Но ничего! Живем!»

Похоже, что, когда он говорит «наш», он имеет в виду не только свой, деревенский, но и городской хлеб своего племянника, хлеб поэта. Не отделяет...

Со-чувствие. Это слово необходимо, когда говоришь о поэзии Видулова. Еще — со-участие, со-переживание, со-страдание. Все эти слова уместны, когда говоришь об отношении поэта к своим героям, к тем, о ком он пишет, к кому обращается. Они очень гуманны, человечны, его стихи, и в этом вижу их особенность, их знак.

...Бригадир Евдокима Крестова «толкуч от райсовета», ругая, назвал «мамино сердечком». Прозвище прицепилось: «мамино сердечко». И вся неласковая послевоенная жизнь в деревне этим прозвищем — и тем, что за ним, — будто осветилась.

...Во время открытия памятника не пришедшим с войны в колхозе митинг все не мог начаться, потому что плакала Пелагея, потерявшая в войну четырех сыновей. «А галки все металась за оградой, и все у рта платок держала мать... И медлил председатель, стоя рядом, речь начинать». Оттого, что он медлит, не мешает пролиться слезам, горло перехватывает.

...Дети рождения 1945 года пришли в 1-й класс. Худенькие, неважно одетые, бледные. «А папы притихли. А мамы — платочки к глазам у стелы... — Как мало, ах, как же вас мало, ребята, вернулось с войны... — сказала учителька, словно подумала вслух...» Дети стали уверять ее, что поняли шутку: это не они, а их папы были на войне. А она посмотрела на незанятые парты, потом на дверь, будто ждала, что откроется дверь и вбегут еще ребята, заигравшиеся, опоздавшие. Но за дверью была тишина. «Как мало, ах, как же вас мало...»

И учительница, и мамы с платочками у глаз, и папы — молодые инвалиды, и дети, и бедная послевоенная школа — все родное. До боли и слез. И реки, которые «не человек, но тоже не вечны», и «эта зимняя дорога, и этот белый бег саней», и чай из самовара, «сахар есть — внакладку пьют, вышел весь — вприглядку пьют», и «леса, туман, камыш, лодочка у причала...».

Читать двухтомник Сергея Видулова, не спеша, страницу за страницей — как идти по земле своей родной: все понятно и близко.

Татьяна ИВАНОВА

СТИХИ, КАК ХЛЕБ

А вот они, те самые слова и обороты. Обращены к солдату, вернувшемуся было из армии в свою деревню. да не надолго. «Значит, бросил, служивый, деревню-ку без боя?.. Отступаешь, вобравши робко голову в плечи? Уместны, уместны слова, крепко поставлены, что говорить. Видно, и фронт, вся жизнь на войне учили простоте, прямоте, правдивости. «Начать бы так стихотворенье: «Я помню чудное мгновенье...» Он ведь так и начал, правда? И мгновение в самом деле было несравненным и незабвенным. Но прежде, чем оно настало... «В окопе перед наступлением курили молча мы табак. Час оставался до сражения. А там (на то она — война!) кого-то спишет со снабженья навечно ротный старшина... Вставал расцвет. Грозил обвалом, пыла над фронтом тишина». Простота этих строк так очевидна и одновременно так обманчива, что надо говорить о продолжении классической традиции. Стихи эти способны выдержать любую пробу.

Как те люди, которые могут молча курить за час до наступления.

Они ладно скроены и крепко сшиты.

А еще есть такое словцо: «хорошо посеяны».

Это означает — в равной степени для людей и стихов. — что у них основа прочна, корни здоровые.

Так вот. В окоп, проклиная фашистов, свалился писмоносец. В этот самый окоп — в ожидание, в тишину, в последний перед сражением час. И подал солдату письмо. «Любимый мой!» — смеясь и плача, я в первой строчке прочитал».

В этом стихотворении нет больше никаких слов о любви. Поэт возвращает нас к ее исходному, первому, главному чуду. «Любимый мой». Когда эти слова написаны, они — тебе, надо смеяться и плакать. «Я помню чудное мгновенье...»

Родина, верность, любовь, мужество — вот герои поэмы «Одна навек». Девушка ждала письма с войны от любимого. Все не было письма... Наконец почтальон, долгожданный конверт, счастье, он жив. И то же первое слово: «Любимая!» И больше ничего не надо... Но мгновение, только мгновение задержится взгляд на этом слове, и строчки побегут дальше: «Любимая! Мы отступаем. Уже все наши за рекой». Наши за рекой, а мост остался врагу. Надо взорвать мост. Комбат вызвал добровольцев. Весь строй шагнул. Комбат «пятах, по одному, из строя вызвал... Третьим с краю встал я». Комбат сказал: «На смерть вас посылаю». И велел писать письма матерям и невестам. Времени отпустил — час. «...Мне часа мало очень, чтоб все сказать, — пишет солдат. — Мне жизнь нужна».

Настоящего мужчину — великодушного, доброго, сильного — рисует поэт. Так прощаться, такое завещать может только очень чистый и сильный человек. И так любить. Думаю, что в нашей любовной лирике письмо солдата к невесте — единственное в своем роде — занимает достойное место.

В двухтомнике несколько поэм. Излишне, видимо, говорить о том, что темы их различны. Но вот объединяет их та же черта, о которой я говорила вначале: каждая, помимо прочих чувств, заставляет распрямить плечи, вселяет бодрость душевную, укрепляет гордость Отечеством. Разумеется, никаких деклараций, никаких стертых, общих слов, никакого приукрашивания действительности — наоборот, все по правде, все честно, реально, что болит, то болит, что горько, то горько, что несправедливо, неумно, то уж так тут и есть. Но все с поэзией сына этой земли, гражданина и патриота. А потому все с болью, участием, сочувствием и сердечной готовностью помочь, себя не щадя.

А иное — разве простил бы Видулову его край? Его дядя — кузнец? Его дороги, травы, облака, леса?

И поэма «Письма из деревни» — из того самого края, от тех самых дорог, трав, облаков и лесов.

«Письма...» — неопровержимое доказательство, что содержание, мысль диктуют форму, они неделимы. Если речь идет о

Я ВИДЕЛА, как Сергей Видулов ходил читать свои стихи перед полным большим залом. Немолодой человек, прошедший войну, он был взволнован, смущен и... пора бы уж ему начать... не решался. Наконец начал. Слишком тихо — пожалуй, хорошо, если первые ряды услышали первые слова... Но вот голос его набрал силу, расправились плечи, успокоились руки. Стихи звучат и звучат в благодарной живой тишине — и всем хорошо: поэту и залу.

Я видела, как слушают Сергея Видулова. С того самого мига, как он встал, пошел, заговорил, — зал с ним.

Провожали Видулова большой, долго не рдеющей толпой, каждый хотел позвать ему руку, сказать спасибо за единомыслие, за стихи, за чистоту, простоту, прямоту.

Было это вдали от столицы — на воронежской земле, щедрой на хлеб и стихи, хорошо знающей цену тому и другому. Когда-то один из них, воронежцев, такие сотворил слова: «На заре туманной юности всей душой любил я милую...» Им ли не отличить хорошее-то от плохого?

Я вспомнила об этом вечере, читая двухтомник — самое полное собрание стихотворений и поэм С. Видулова.

Вот стихотворение про то — почти про то, — с чего я начала рассказ о Сергее Васильевиче. «Колхозный радиоузел. Черемуха у окна...» Поэту предстоит читать свои стихи. Он очень волнуется, «как в первый раз». Хотя аудитория эта, наверное, не будет слишком большой: «Не область меня услышит и даже не весь район — всего деревень пятнадцать, в лесах с четырех сторон». Но в каждой из них он был, всходил на все крылечки, слушателей своих знает в лицо. Знает, что всего час, как они возвратились с поля, очень устали, представляет, как усасиваются сейчас к столу... Что же им прочитать, достойное их труда и их отдыха? «Что мне предложить такое, чтоб в избу вошел мой стих. Как запах от каравая, что корочкою хрустит». «...Как женщина входит в избу с ведром ключевой воды». «...Как добрый сосед заходит...»

Ведро ключевой воды — жизненная необходимость; друг, входящий запросто в дом, — опора и отрада; запах каравая привычен, прост, но упоителен. Такие стихи хотел бы читать поэт своим землякам. Только такие, иных бы он устыдил и сам себе не простил.

Ему кажется, что и земляки не простили бы, и сама земля, к которой он относится свято, как к матери... Вот он опять в родных местах: «сердце рвется на части — только гляну окрест. Слева — травы и небо, справа — небо и лес. Я один перед ними... Облака в вышине...» Это от любви на части рвется сердце. Это травы, и небо, и лес, и облака Родины спрашивают нас, так ли живем. И каждый перед ними — один, за себя отвечает, за собственную свою жизнь, за единственную свою душу. «Признаешь ли, край мой, сына во мне?»... И дорога, ведущая к отчужденному дому, спросит: «Ты не сбился ль с пути?», и спросит лес: «Ты душой не кристал ли?», и спросит сосны: «ты достаточно ль прост?». Даже это, даже так: достаточно ли ты прост, поэт, со всеми своими книжками, университетами, рифмами, ритмами, поймут ли тебя земляки, будет ли слово твоё им, как хлеб... И драгоценнее любых комплиментов письмо из деревни, от дяди, старого кузнеца: «Недавно видел работы твоей стихи. Поскольку племянник пишет — прочел до последней строчки. Добро поработал, парень, скажу тебе... Молодец!» Письмо — как награда, значит, достаточно просто, и душой не кривил, значит, не зря написаны стихи, если кузнец посчитал их работой. «Спасибо тебе, кузнец! Спасибо за то, что труд мой, ты, знающий цену пота, ты, ведающий усталость, которая валит с ног, ты, мастер, — горжусь я этим, — без скидок назвал работой, которую тоже трудно, как всякую, делать в срок».

О чем бы Видулов ни писал, кажется, самые буквы его стихов напитаны любовью к отчужденному краю, к Отечеству, к Родине.

Тепло, уютно на сеновале, сладко спится под дождь — «о, тихие дожди эти...», не пропустить бы только заветную зарю. И так это все ладно сказано, так негромко и грустно, и так светлая печаль... А в воспоминании о детстве, о поездке в ближний городок, как мальчик с отцом продавали сено да сосновые дрова, как отец не миновал хмельного куража, и вот вечерняя дорога домой: «батка спит, а вожжи я держу» — какая ясная, точная и в то же время многозначная картина! Она далека от идиллической, но полна сочувствия, уважения к пройденному, пережитому.

Новая страница — иная интонация, другой настрой. Поэт задумался у старого дота. Душа его не знает покоя, он в долгу перед всем, перед всеми, и все смотрит на него взыскующим оком и — на фронтовика! — этот дот. «О чем твердят с продутой ветром высоты березы листы и травы шепотом у ног: «А ты бы мог?» А ты бы мог, как он, в снегу, лицом к врагу ползти и броситься вперед, на пулемет, чтоб дот, ослепнув, сразу смолк?! А ты бы мог?»

Фронтовик... Одно из первых стихотворений в книге датировано первым послевоенным годом. «Тебе я верил на войне вдвойне. Постучусь — и двери ты откроешь мне». Война не изживется до самых последних страниц второго тома — воспоминания о ней, ее слова, пережитое.

Как мало их осталось с нами, поэтов фронтового поколения как надо бы беречь их, стараться удерживать подольше. Впрочем, и всех-то фронтовиков, всех... Сергей Видулов — только один из них.